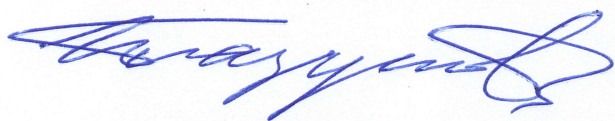

На правах рукописи

Глазунов Николай Геннадьевич

**ФЕНОМЕНЫ МОДЕРНИЗАЦИИ И РЕФОРМИЗМА
КАК ЭЛЕМЕНТЫ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ
(XX-XXI вв.)**

Специальность 5.7.7. – социальная и политическая философия

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук

Москва – 2026

Работа выполнена в департаменте философии и социальных наук института гуманитарных наук Государственного автономного образовательного учреждения высшего образования г. Москвы «Московский городской педагогический университет».

Научный консультант

Жукоцкая Александра Васильевна,
доктор философских наук, профессор

Официальные оппоненты:

Великая Наталия Михайловна,
доктор политических наук, профессор, главный
научный сотрудник Института социально-
политических исследований ФНИСЦ РАН

Гавров Сергей Назипович,
доктор философских наук, профессор, профессор
кафедры массовых коммуникаций и
медиабизнеса ФГБОУ ВО «Финансовый
университет при Правительстве Российской
Федерации»

Равочкин Никита Николаевич,
доктор философских наук, доцент, профессор
кафедры истории, философии и социальных наук
ФГБОУ ВО «Кузбасский государственный
технический университет имени Т.Ф. Горбачёва»

Ведущая организация

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
образования «Самарский государственный
технический университет»

Защита диссертации состоится «24» сентября 2026 г. в 15:00 часов на заседании диссертационного совета 72.2.007.05 на базе ГАОУ ВО МГПУ по адресу: 129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ГАОУ ВО МГПУ по адресу: 129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4 и на сайте www.mgpru.ru

Автореферат разослан « ____ » июня 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Сахарова М.В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Социальные системы постоянно развиваются и изменяются – это их имманентное свойство. Можно предположить, что единственные отличия – это скорость изменений и их направление. Бóльшая часть человеческой истории прошла в рамках «традиционного» общества, которое характеризовалось устойчивостью институтов и моделей поведения субъектов.

Новое время принесло радикальные изменения в общественный уклад европейских обществ. Реформация не только расколола Европу по религиозному признаку, но и способствовала становлению принципиально нового типа мышления. Его отличительными признаками стали рационализм и секуляризованность. Жизнь и деятельность субъекта и всего общества в целом (в первую очередь, это относится к протестантским обществам) теперь строились не как следование устоявшимся традициям, а как результат рефлексии содержания основополагающих элементов массового сознания – идеалов, ценностей, целей и мотивов деятельности. Следствием этого стали сознательные и целенаправленные преобразования структур и институтов всего «социального агрегата». Изначально подобные преобразования сопровождались социальными катаклизмами исключительного масштаба – Английская революция XVII века, Французская революция XVIII в., обретение независимости США и т.д.

В итоге, рационализация и секуляризация мышления, создание социальных структур и институтов посредством их теоретического конструирования с последующей практической реализацией этих проектов «социальной инженерии», привели к появлению нового типа общества, которое стало обозначаться как «современное» или «модернизированное».

Стремительное развитие и глобальное экономическое доминирование стран, составивших «первый эшелон» модернизированных обществ (США, Великобритания, Франция) способствовали отождествлению их социально-политического и экономического уклада с «эталоном» современного общества. Последние два-три столетия в мире наблюдалось бесчисленное количество

попыток скопировать опыт стран «первого эшелона» в целях добиться аналогичных достижений в общественном развитии.

Это способствовало становлению в социально-гуманитарной науке отдельного направления исследований, посвященных проблемам модернизации. В XX веке, в рамках социальной философии, социологии, политологии, культурологии, социальной психологии проводились многочисленные исследования, призванные сформулировать, классифицировать и верифицировать отличительные признаки «современных» обществ, модели «транзита» в общества с традиционным укладом технологий, которые бы способствовали становлению обществ Модерна, и т.д. Подобные исследования аккумулировали в себе значительную эмпирическую составляющую, различные модели теоретического осмысления данного феномена в рамках концепций «догоняющей», «очаговой», «линейной» модернизации и т.п.

Иллюзия очевидности, которую создают различные варианты модернизационной теории, привела к тому, что во второй половине XX века наблюдается одновременное использование понятий «модернизация», «реформа», «реформизм» и в научных исследованиях, а также в популярной литературе и публицистике. Эти понятия используются и в качестве синонимов, и в качестве понятий, отражающих различные социальные явления. Также существует бесчисленное множество «переходных» вариантов их понимания.

Представляется актуальным специальное рассмотрение модернизации и реформизма и на понятийном уровне, и на уровне социальных феноменов. Отдельного внимания заслуживает изучение их диалектической взаимосвязи, что позволит не только корректно использовать их как познавательные категории, но и адекватно рассмотреть их практическое развертывание в социальном пространстве.

Объектом исследования является феномен социальных преобразований в период XX-XXI вв.

Предмет исследования – модернизация и реформизм как элементы социальных преобразований.

Цель – исследование диалектики взаимодействия феноменов модернизации и реформизма как элементов социальных преобразований и их роли в процессе социальных преобразований XX-XXI вв.

Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих **задач**:

- рассмотреть исходные дефиниции «модернизация» и «реформизм», устоявшиеся в социогуманитарной науке, а также диалектику их взаимодействия как познавательных инструментов;
- проанализировать модернизацию и реформизм как основные исследовательские парадигмы социальных преобразований и выявить их интегративную основу – интерпретационную парадигму;
- выявить основные источники и предпосылки социальных преобразований: социокультурный кризис; роль элит в формировании ответа на кризисный вызов; функции власти и ее легитимность как условие запуска социальных преобразований;
- проанализировать идейные и когнитивные инструменты социальных преобразований: «производство сознания»; язык как средство конструирования новой социальной реальности; влияние науки и рациональности на формирование модернизационного проекта;
- раскрыть роль идеологии в образовании как механизма трансляции новых социальных ценностей;
- рассмотреть феномен массового сознания и его модернизацию как ключевой аспект борьбы за социальные преобразования;
- провести комплексный анализ реформизма как многофакторного явления; определить ключевые характеристики реформизма и предложить критерии разграничения реформизма и революции;
- рассмотреть проблему корреляции изменений массового сознания и социальных структур как условия координации и гармонизации процессов социальных преобразований;

- выявить принципы организации саомодернизирующихся социальных систем как факторов их устойчивости.

Степень разработанности темы диссертационного исследования отмечена рядом специфических черт. С одной стороны, социально-гуманитарные науки располагают широким спектром исследований, в которых рассмотрены те или иные аспекты избранной темы. С другой стороны, крайне немногочисленны работы, посвященные сопоставительному анализу модернизации и реформизма, их диалектики на уровне эпистемологических категорий и социальных феноменов.

Вопросы культурной составляющей модернизации и реформизма, понимаемой в предельно широком смысле, рассмотрены в трудах Л.М. Баткина, А.Я. Гуревича, Ж. Делюмо, Д. Маккалоха¹. Огромная роль в экспликации данных понятий в историческом и социально-философском контексте принадлежит В.Г. Федотовой, В.А. Колпакову, И.Н. Сиземской, И.И.Кравченко, Т.И. Грицкевич, И. Валлерстайну, А. Турену².

В формировании основных исследовательских парадигм, которые существенно повлияли на понимание модернизации и реформизма, значимое место принадлежит работам В.И. Ленина, П.Б. Струве, Ш. Эйзенштадта, Т.И. Ойзермана, Ф.Г. Федотовой, В.И. Жукова, Т.И. Грицкевич, Н.Н. Зарубиной, Д. Фрисби, М. Уотерса³.

¹ Баткин Л.М. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. – М.: Наука, 1989; Гуревич А.Я. Индивид и социум на средневековом Западе. – СПб.: Александрия, 2009; Делюмо Ж. Цивилизация Возрождения. – Екатеринбург: У-Фактория, 2006; Маккалох Д. Реформация: полная история протестантизма. – М.: Эксмо, 2024.

² Федотова В.Г. Модернизация и культура. – М.: Прогресс-Традиция, 2016; Федотова В.Г. Хорошее общество. – М.: Прогресс-Традиция, 2005; Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм: три великие трансформации. М.: Культурная революция, 2008; Колпаков В.А. Культурное пространство рождения современности // История модернизации как предмет социально-философского анализа. – М.: ИФРАН, 2014; Сиземская И.Н. Проблемы модернизации в исторической ретроспективе // История модернизации как предмет социально-философского анализа. – М.: ИФРАН, 2014; Грицкевич Т.И. Реформационный процесс: структура и динамика. – Кемерово, Кемеровский государственный университет, 2014; Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М., 2003; Touraine A. Modernity and Cultural Specificities // International Social Science Journal. –1988. – № 18. – Р. 443-457.

³ Ленин В.И. Как не следует писать резолюций // Полное собрание сочинений. – Т.15. – М.: Политиздат, 1972. – С. 89-112; Ленин В.И. Крах II Интернационала // Полное собрание сочинений. – Т. 26. – М.: Политиздат, 1969. – С.209-265; Ленин В.И. Марксизм и реформизм. // Полное собрание сочинений. – Т.24. М.: Политиздат, 1969. С.1-4; Ленин В.И. Письма о тактике // Полное собрание сочинений – М.: Политиздат, 1962. – Т.31. – С.131-144; Ленин В.И. Реформизм в русской социал-демократии // Полное собрание сочинений. – Т.20. М.: Политиздат, 1976. С.305-318; Струве П.Б. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России – СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1894; Eisenstadt S.N. Tradition, Change, and Modernity. New York: John Wiley & Sons, 1973; Ойзерман Т.И. Оправдание ревизионизма // Избранные труды: в 5 т. – Т.3. – М: Наука, 2014; Зарубина Н.Н. Социокультурные

В понимании социокультурного кризиса как исходной точки социальных преобразований существенную роль сыграли исследования А. Вебера, Р. Генона, О. Шпенглера, Й. Хейзинга, Э. Гуссерля, У. Матца, Х. Ортеги-и-Гассета, К. Поппера, Р. Гвардини, К. Ясперса, Т. Адорно, Э. Фромма, Н.А. Бердяева, Б.П. Вышеславцева, М.О. Гершензона, П.А. Сорокина, Г.М. Тавризян, Т.Ю. Сидориной, К.Х. Момджяна, Н.И. Лапина, Л.Г. Ионина, В.М. Межуева, П.С. Гуревича⁴.

Для раскрытия вопроса о роли элит в процессе подготовки и осуществления мероприятий по модернизации и реформизму существенную помощь оказали публикации С. Келлер, Т. Веблена, М. Догана, Ч. Линдблома, К.Манхейма, Ф. Блока, А.В. Дуки, Д.Б. Тева, Г.К. Ашина, О.В. Гаман-Голутвиной, О.В. Крыштановской, Ж.Т. Тощенко, В.В. Козловского, Н.И. Лапина, П.П. Гайденко⁵.

факторы хозяйственного развития: М. Вебер и современные теории модернизации. СПб.: РХГИ, 1998; Frisby D. *Fragments of Modernity. Theories of Modernity in the Works of Simmel, Krasauer and Benjamin*. Canbridge, 1986.

⁴ Вебер А. Германия и кризис европейской культуры // Культурология. XX век: Антология. – М.: Юрист, 1995. – С. 281-296; Шпенглер О. Закат Европы. – М.: Мысль, 1993; Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Культурология. XX век: Антология. М.: Юрист, 1995. – С. 297-330; Матц У. Идеологии как детерминанта политики в эпоху модерна // Политические исследования. 1992. № 1-2. – С. 130-142; Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2020; Адорно Т.В. Негативная диалектика. – М.: Научный мир, 2003; Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. Пер. с англ. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2006; Бердяев Н.А. *Sub specie aeternitatis*. Опыт философии, социальные и литературные (1900-1906 г.) – СПб.: Изд. М.В.Пирожкова, 1907; Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990; Вышеславцев Б.П. Кризис индустриальной культуры. – Нью-Йорк, 1982; Гершензон М.О. Кризис современной культуры // Минувшее: Исторический альманах. 11. – М.; СПб.: Atheneum: Феникс, 1992. – С. 232-248; Sorokin P.A. *Social and Cultural Dynamics*. Vol. 1: *Fluctuation of Forms of Art*. N.Y.: American Book Company, 1937; Тавризян Г.М. О. Шпенглер, Й. Хейзинга: две концепции кризиса культуры. – М.: Искусство, 1988; Сидорина Т.Ю. Философия кризиса. – М.: Флинта: Наука, 2003; Момджян К.Х. Кризис фрагментации в современной социальной философии. // Вестник московского университета. Сер. 7. Философия. 2012. - №1. – С. 61-71; Лапин Н.И. Социокультурный контекст смешанной экономики // Смешанная экономика: социокультурные аспекты. Научно-информационный сборник. М.: ИНИОН РАН, 1994. – С. 104-112; Лапин Н.И. Тяжкие годы России (перелом истории, кризис, ценности, перспективы) // Мир России. 1992. Том I. № 1. – С. 10-19.

⁵ Keller S. *Beyond the Ruling Class. Strategic Elites in Modern Society*. N.Y.: Random House, 1963; Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984; Dogan M. *Introduction: Diversity of Elite Configurations and Clusters of Power // Comparative Sociology*. 2003. Vol. 2. №1; Lindblom C.E. *Politics and Markets: The World's Political-Economic Systems*. New York. Basic books, Inc. Publishers, 1977; Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994; Bloc F. *The Ruling Class Does not Rule: Notes on the Marxist Theory of the state // The State: Critical concepts / Ed. by J.A.Hall*. London, New York: Routledge, 1993. Vol. 1; Дука А.В. Исследования элит: поиск теоретических оснований // Власть и элиты в российской трансформации: сб. научных статей / Под. ред. А.В. Дуки. – СПб.: Интерсоцис, 2005. С.13-28; Ашин Г.К. Элитология: история, теория, современность. М.: МГИМО – Университет, 2010; Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. М.: РОССПЭН, 2006; Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005; Тощенко Ж.Т. Травма общества: между эволюцией и революцией (приглашение к дискуссии) // Полис. Политические исследования. 2017. № 1. – С. 70-84; Козловский В.В. Социальные ценности: анализ оснований российской модернизации. Дис...д-ра филос. наук. – СПб., 1995; Козловский В.В., Уткин А.И., Федотова В.Г. Модернизация: от равенства к свободе / СПб.: Изд-во С-Петербург. ун-та, 1995; Гайденко П. П. «Вехи»: неслышанное предостережение // Вопросы философии. 1992. № 2. – С. 103-122.

Ввиду того, что процесс социальных преобразований в решающей мере зависит от власти и ее легитимности, для раскрытия этой темы использовались работы Дэн Сяопина, Чжан Шухуа, М. Вебера, П. Штомпки, Э. Вишник, Н.С. Розова, Ж.Т. Тощенко, Б.Н. Миронова, В.И. Пантина, В.В. Лапкина, Л.П. Делюсина, В.Н. Усова, В.Я. Портякова, М.К. Горшкова⁶.

Вопросы «производства сознания» как идейной подготовки к социальным преобразованиям рассматривались с опорой на материалы К. Маркса, Ф. Энгельса, Д. Деннета, Д. Серла, Д. Чалмерса, Г. Бейтсона, П. Бергера, Т. Лукмана, С.П. Поцелуева, П.В. Чельшева, Л.Л. Штудена, Е.Ю. Зарубко, В.Ж. Келле, М.Я. Ковальзона, А.К. Уледова, Ф.Т. Михайлова, Б.А. Грушина, Г.Г. Дилигенского, Ю.Н. Благовещенского, Г.А. Сатарова, К.С. Петрякова⁷.

Учитывая тот факт, что в процессе «производства сознания» активную роль играет язык, его роль в процессе модернизации и реформирования рассматривалась с учетом исследований Ч. Морриса, Ф. де Соссюра, Д. Остина, Ю. Хабермаса,

⁶ Дэн Сяопин. Строительство социализма с китайской спецификой: статьи и выступления. М.: Общество дружбы и сотрудничества с зарубежными странами, 2002; Чжан Шухуа. Политические реформы в России и Китае в условиях перехода к рыночной экономике (сравнительный анализ): дис. ... канд. полит. наук. М., 1993; Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996; Вишник Э. Горбачевская революция и политика в отношении Китая // Общество и государство в Китае: специальный выпуск: к 80-летию Льва Петровича Делюсина. М.: Восточная литература, 2004; Розов Н.С. Кризис и революция: поля взаимодействия, стратегии акторов и траектории конфликтной динамики // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. – С. 92-108; Тощенко Ж.Т. Травма общества: между эволюцией и революцией (приглашение к дискуссии) // Полис. Политические исследования. 2017. № 1. – С. 70-84; Миронов Б.Н. Модернизация России в XVIII–XX вв. как конвергенционный проект // Социологические исследования. 2018. № 6. – С. 91-103; Делюсин Л.П. Китай: полвека – две эпохи. – М.: Институт востоковедения Российской академии наук, 2001; Усов В.Н. Дэн Сяопин и его время. – М.: «Стилсервис», Институт Дальнего Востока РАН, «Дом Конфуция», 2009; Портяков В.Я. Экономические реформы в Китае (1979-1999 гг.) М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2002.

⁷ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Процесс производства капитала – Т.1 // Собрание сочинений – М.: Политиздат, 1960. – Т.23; Маркс К. Критические заметки к статье «Пруссак» «Король прусский и социальная реформа» // Собрание сочинений – М.: Политиздат, 1955. – Т.1. – С. 430-448; Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Сочинения. – М.: Политиздат, 1955. – Т. 3. – С. 7-544; Деннет Д. Насосы интуиции и другие инструменты мышления. М.: Изд-во АСТ: CORPUS, 2019; Серл Д. Открывая сознание заново. М.: Идея-Пресс, 2002; Чалмерс Д. Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории. М.: УРСС: Книжный дом «Либроком», 2013; Бейтсон Г. Экология разума: избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. – М.: Смысл, 2000; Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Моск. филос. фонд; Academia-Центр; Медиум, 1995; Поцелуев С.П. Double binds, или двойные ловушки политической коммуникации // Полис. Политические исследования. – 2008. – № 1. – С. 8-32; Келле В.Ж., Ковальзон М.Я. Формы общественного сознания. М.: Политиздат, 1959; Уледов А.К. Структура общественного сознания (Теоретико-социологическое исследование). М.: Мысль, 1968; Михайлов Ф.Т. Общественное сознание и самосознание индивида. М.: Наука, 1990; Грушин Б.А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. – М.: Политиздат, 1987; Дилигенский Г.Г. В поисках смысла и цели: проблемы массового сознания современного капиталистического общества. М., Политиздат, 1986; Дилигенский Г.Г. Индивидуализм старый и новый. Личность в постсоветском социуме // Полис. Политические исследования. 1999. № 3. – С. 5-15; Петряков К. С. Симулякры в массовом сознании как средство информационной войны: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М.: 2024.

Л. Диттмера, Ю.М. Лотмана, М.М. Бахтина, Т.М. Николаевой, Н.Б. Мечковской, В.М. Савицкого, И.В. Фомина, М.В. Ильина⁸.

Модернизация и реформизм, являясь результатом сознательного и целенаправленного социального конструирования, испытали на себе доминирующее влияние науки и рациональности. Для раскрытия этого аспекта темы диссертационного исследования использовались труды Дж. Локка, Б. Малиновского, Г. Рормозера, Д. Голда, Д. Колба, М. Маклюэна, Н.А. Бердяева, В.В. Козловского, Н.И. Лапина, В.В. Леонтьева, В.Г. Федотовой, Б.А. Грушина, Л.В. Полякова, М.А. Барга, В.А. Томсинова⁹.

Модернизация невозможна без создания и трансляции новых социальных ценностей. Важнейшую роль в данном вопросе играет идеология, а каналом, посредством которого эта трансляция осуществляется, выступает система образования. В раскрытии данного вопроса использовались данные П.Ф. Друкера, Р. Флориды, С.Б. Джимбинова, В.С. Библера, С.Ю. Глазьева, С.Д. Бодрунова, А.В. Бузгалина, А.И. Колганова, В.В. Букреева, Э.Н. Рудык, С.В. Ивановой¹⁰.

⁸ Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика. М.: Радуга, 1983. – С. 37-89; Saussure F. de Cours de Linguistique Générale. Publié par Ch. Bally et A. Séchehaye; avec la collaboration de A. Riedlinger; ed. critique préparée par T. de Mauro; postf. de L.-J. Calvet. Paris: Payot, 1995; Austin J.L. O. How to do things with words: the William James lectures delivered at Harvard University in 1955. Cambridge: Harvard University Press, 1962; Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. – СПб.: Наука, 2000; Хабермас Ю. Познание и интерес // Философские науки. 1990. № 1. – С. 88-99; Dittmer L. Political culture and political symbolism: Toward a Theoretical Synthesis // World Politics. 1977. Vol. 29. № 4. – Р. 552-583; Лотман Ю.М. Культура как коллективный интеллект и проблемы искусственного разума. – М.: Научный совет по комплексной проблеме «Кибернетика», 1977; Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика. – М.: Аспект-Пресс, 2000; Савицкий В.М., Гашимов Э.А. Лингвокультурный код (состав и функционирование). – М.: МГПУ, 2005.

⁹ Локк Дж. Два трактата о правлении // Сочинения: в 3 т. Т. 3. – М.: Мысль, 1988. – С. 135-405; Malinowski B. Magic, Science and Religion and others essays. New York, 1954; Рормозер Г. Ситуация христианства в эпоху «постмодерна» глазами христианского публициста // Вопросы философии. – 1991. – № 5. – С. 75-86; Gold J., Colb D. The consequences studies in Sociology and History // Comparative studies in Sociology and History. – 2001. – Vol. 5. № 3; Маклюэн М. Галактика Гутенберга: Становление человека печатающего. М.: Академический проект; Гаудеамус, 2013; Бердяев Н.А. Письма к М.О. Гершензону // Вопросы философии. – 1992. – № 5. – С. 119-133; Леонтьев В.В. К вопросу о плюралистической интерпретации истории и проблеме междисциплинарного сотрудничества // Экономические эссе. Теории, исследования, факты и политика. – М.: Политиздат, 1990. – С. 27-36; Меняющаяся социальность: новые формы модернизации и прогресса / (Отв. ред. В.Г. Федотова). – М.: ИФРАН, 2010; Федотова В.Г. Дополитическая, политическая и постполитическая культура как индикаторы исторического этапа модернизации // История модернизации как предмет социально-философского анализа. – М.: ИФРАН, 2014. – С.31-52; Федотова В.Г. Концепт догоняющей модели модернизации и поиски новых путей // Экономические стратегии. 2012. Т. 14. №3 (101). – С. 14-23; Поляков Л. Большевизм и русская идентичность (коммунизм как фаза российской модернизации) // Кара-Мурза А.А., Поляков Л.В. Русские о большевизме. Опыт аналитической антологии. – СПб.: РХГИ, 1999. – С. 390-413.

¹⁰ Друкер П.Ф. Энциклопедия менеджмента: монография. М.: Вильямс, 2004; Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее: монография. М.: Классика-XXI, 2011; Джимбинов С.Б. Коэффициент искажения. Революция и культура // Новый мир. 1992. № 9. – С. 207-221; Библер В.С. Мышление как творчество (введение в логику мысленного диалога). М.: Политиздат, 1975; Глазьев С.Ю. Глобальная трансформация через призму смены технологических и мирохозяйственных укладов // AlterEconomics. 2022. Т. 19. № 1. – С. 93-115; Бодрунов С.Д. К

Рассматривая модернизацию массового сознания как центральный вопрос социальных преобразований, мы опирались на работы П. Бурдьё, Э. Фромма, З. Баумана, А. Рено, У. Матца, К.-О. Хондриха, Н.А. Бердяева, А.С. Ахиезера, А.П. Бутенко, Ю.В. Колесниченко, И.Г. Дубова, Б.А. Грушина, Г.Г. Дилигенского, А.И. Пригожина, И.А. Громова, А.Ю. Мацкевича, В.А. Семенова¹¹.

При анализе реформизма как стратегии эволюционного пути развития общества были использованы исследования А. Турена, С. Хантингтона, Д. Янга, Дж. Ву, В.Г. Федотовой, Л.А. Беляевой, Т.И. Грицкевич, А.П. Сафронова, Д.В. Ефременко, А.Ю. Долгова, Я.В. Евсеевой, А.В. Панцова, Л.П. Делюсина, Л.И. Абалкина, А.С. Быстровой¹².

Анализируя революцию как стратегию социального развития, нацеленную на радикальный разрыв с общественными традициями, мы опирались на труды Дж. Харрингтона, Э. Хайда, графа Кларендона, Л.А. Сен-Жюста, Ф. Гизо, К. Маркса, Ф. Минье, Э. Берка, З. Баумана, Э. Гидденса, Т. Скочпол, А. Козна,

вопросу о реиндустриализации российской экономики в условиях ВТО // Экономическое возрождение России. 2012. №3 (33). – С. 47-52; Бодрунов С.Д. Реиндустриализация. Круглый стол в Вольном экономическом обществе России // Мир новой экономики. 2014. № 1. – С. 11-26; Колганов А.И, Бузгалин А.В. Реиндустриализация как ностальгия? Теоретический дискурс // Социологические исследования. 2014. №1. – С. 80-94; Иванова С.В. Формирование творческого мышления школьников как государственная и научно-педагогическая задача // Ценности и смыслы. 2012. № 3 (19). – С. 4-9.

¹¹ Бурдьё П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993; Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. Пер. с англ. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2006; Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002; Рено А. Эра индивида. К истории субъективности. СПб.: Владимир Даль, 2002; Матц У. Идеологии как детерминанта политики в эпоху модерна // Политические исследования. 1992. № 1-2. – С. 130-142; Ментальность россиян (специфика сознания больших групп населения России) // Под ред. И.Г.Дубова. М.: Российская академия образования, психологический институт, «Имидж-контакт», 1997; Грушин Б.А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. – М.: Политиздат, 1987; Грушин Б.А. Мнение о мире и мир мнений: монография. М.: Праксис, 2011; Дилигенский Г.Г. Индивидуализм старый и новый. Личность в постсоветском социуме // Полис. Политические исследования. 1999. № 3. – С. 5-15.

¹² Touraine A. Modernity and Cultural Specificities // International Social Science Journal. –1988. – № 18. – P. 443-457; Huntington S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. – New York : Simon & Schuster, 1996; Yang D.L. Remaking the Chinese Leviathan: Market Transition and the Politic of Governance in China. – Stanford: Stanford University Press, 2004; Федотова В.Г. Социальные инновации как основа процесса модернизации общества // Вопросы философии. – 2010. – № 10. – С. 3-16; Беляева Л.А. Становление смешанной экономики в России и трансформация социальной структуры общества // Смешанная экономика: социокультурные аспекты. – М.: ИНИОН РАН, ИФ РАН, 1994; Грицкевич Т.И. Реформационный процесс: структура и динамика. – Кемерово, Кемеровский государственный университет, 2014; Ефременко Д.В., Долгов А.Ю., Евсеева Я.В. Россия между системными катастрофами и эволюционными трансформациями: политико-онтологические аспекты // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 5. – С. 24-42; Абалкин Л.И. Неиспользованный шанс: полтора года в правительстве – М.: Политиздат, 1991; Быстрова А.С. Возможности и пределы антикоррупционных реформ в России // Власть и элиты в российской трансформации. – СПб.: Интерсоцис, 2005.

К. Ясперса, Н. Верта, В.И. Ленина, С.В. Кондратьева, Н.С. Креленко, Ю.Н. Назарова, Ю.А. Красина, Г.Н. Киреева¹³.

По нашему мнению, наибольший положительный эффект социальные преобразования могут дать при условии корреляции изменений установок массового сознания и изменений социальных структур. Рассматривая данный вопрос, мы опирались на работы М. Вебера, Э. Дюркгейма, А. де Токвиля, Ш. Эйзенштадта, П. Друкера, Ж. Тюлара, М. Фридмана, В.Г. Федотовой, В.В. Козловского, А.И. Уткина, А.С. Ахиезера, В.А. Мау, Т.И. Заславской, В.К. Левашова, В.В. Локосова, В.В. Суходеева, А.С. Панарина, В.В. Бибихина, Л.В. Теляк¹⁴.

Особое направление диссертационного исследования – выявление факторов, которые обеспечивают перманентный процесс самомодернизации общества. При рассмотрении данного вопроса диссертант опирался на исследования Дж. Локка, Ф.А. Хайека, Р.З. Лившица, С.Ю. Глазьева, Н.Я. Спиваковой, В.И. Белоусова, А.В. Белоусов, С.В. Деревцова, В.А. Салихова, А.С. Трошина, Сюй Чжэньпэн¹⁵.

¹³ Сен-Жюст Л.А. Речи. Трактаты. СПб.: Наука, 1995; Гизо Ф. История английской революции. – СПб.: Типография Головачова, 1868. Т. 1, 2, 3; Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Процесс производства капитала – Т.1 // Собрание сочинений – М.: Политиздат, 1960. – Т.23; Маркс К. Критические заметки к статье «Пруссак» «Король прусский и социальная реформа» // Собрание сочинений – М.: Политиздат, 1955. – Т.1. – С. 430-448; Минье Ф. История Французской революции с 1789 по 1814 гг. М.: Гос. публичная ист. б-ка России, 2006; Берк Э. Размышления о революции во Франции. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1992; Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002; Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999; Скорпел Т. Государства и социальные революции: сравнительный анализ Франции, России и Китая. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017; Cohan A.S. Theories of revolution: An introduction. – Lancaster, 1975; Ясперс К. Духовная ситуация времени. М.: АСТ, 2013; Верт Н. 1917. Россия в революции. М.: ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ», 2003; Ленин В.И. Крах II Интернационала // Полное собрание сочинений. – Т. 26. – М.: Политиздат, 1969. – С.209-265; Ленин В.И. Марксизм и ревизионизм // Полное собрание сочинений. – Т.17. М.: Политиздат, 1976. – С. 15-26; Ленин В.И. Марксизм и реформизм // Полное собрание сочинений. – Т.24. М.: Политиздат, 1969. С.1-4; Ленин В.И. Реформизм в русской социал-демократии // Полное собрание сочинений. – Т.20. М.: Политиздат, 1976. С.305-318; Креленко Н.С. Образ английской революции в общественной памяти Великобритании XVII-XX веков. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2012; Назаров Ю.Н. Социальная революция как система (методология анализа). – Иваново: Референт, 2005; Красин Ю.А. Теория социалистической революции: ленинское наследие и современность. М.: Мысль, 1977; Киреев Г.Н. Социальное насилие. М.: Прометей, 2005.

¹⁴ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991; Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. М.: Мысль, 1994; Токвиль А. Старый порядок и революция. – СПб.: Алетей, 2008; Eisenstadt S.N. Tradition, Change, and Modernity. New York: John Wiley & Sons, 1973; Друкер П.Ф. Энциклопедия менеджмента. М.: Вильямс, 2004; Фридман М. Четыре шага к свободе // Общественные науки и современность. 1991. № 3. – С. 16-19; Мау В.А. Экономика и власть. Политическая история экономической реформы в России, 1985-1994 гг. М.: «Дело Лтд», 1995; Заславская Т.И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации. М.: 2004; Изменяющаяся Россия: вызовы и возможности. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2002 г. / Под. ред. Г.В. Осипова (рук.), В.К. Левашова, В.В. Локосова, В.В. Суходеева. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2003.

¹⁵ Локк Дж. Два трактата о правлении // Сочинения: в 3 т. Т. 3. – М.: Мысль, 1988. – С. 135-405; Хайек Ф.А. Дорога к рабству // Новый мир. – 1991. – № 8. – С.181-233; Хайек Ф.А. Конституция свободы. М.: Новое издательство, 2018; Глазьев С.Ю. Глобальная трансформация через призму смены технологических и мирохозяйственных укладов // AlterEconomics. 2022. Т. 19. № 1. – С. 93-115; Ребус Н.А., Спивакова Н.Я. Эволюция социально-экономической

Помимо вышеуказанных теоретических аспектов темы диссертационного исследования, представлен опыт анализа новой идейно-ценностной системы, которая формировалась в постсоветской России в ходе социальных преобразований. Анализ данного вопроса осуществлялся с опорой на труды П. Вагнера, К. Поланьи, Л.А. Микешиной, В.Г. Федотовой, Ю.В. Смирновой¹⁶, а также на статистические данные отечественных организаций, занимающихся мониторингом российского рынка труда и предпочтений, которые молодежь отдает тем или иным сферам профессиональной деятельности.

По нашему мнению, привлечение широкого корпуса социально-гуманитарных источников по теме модернизации и реформизма позволило дать их обстоятельный анализ как познавательных категорий, так и в качестве социальных феноменов.

Методология исследования. Феномены модернизации и реформизма не могут быть адекватно изучены, исходя из какого-либо одного методологического принципа. Они являются феноменами полифункциональными и многофакторными.

Методология диссертационного исследования основана, в первую очередь, на системном подходе, который рассматривает социальные структуры, институты и процессы как систему взаимосвязанных элементов. Рассмотрение социальной системы в единстве ее статических и динамических аспектов дает целостное представление о развитии системы во времени, ее устройстве посредством анализа структуры, внутрисистемных связей и алгоритмов обмена.

системы в процессе перехода к шестому технологическому укладу // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2019. Том 9, № 10А. – С. 314-322; Деревцов С.В. Эволюция технологических укладов и их влияние на развитие промышленности ресурсных регионов // Региональная и отраслевая экономика. – 2025. – № 3. – С. 138-148; Краснов О.С., Салихов В.А. Влияние кластеров на экономическое и социально-экологическое развитие горнопромышленных регионов и на переход к новым технологическим укладам // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2021. № 56. – С. 81-96; Сюй Чжэньпэн, Трошин А.С. Инновационный вариант развития экономики Китая // Инновации и инвестиции. 2021. № 3. – С. 31-35.

¹⁶ Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. – СПб.: Алетейя, 2002; Микешина Л.А. Эпистемология ценностей. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007; Микешина Л.А. Специфика философской интерпретации // Вопросы философии. 1999. № 11. – С. 3-12; Федотова В.Г. Дополитическая, политическая и постполитическая культура как индикаторы исторического этапа модернизации // История модернизации как предмет социально-философского анализа. – М.: ИФРАН, 2014. – С.31-52; Федотова В.Г. Конец догоняющей модели модернизации и поиски новых путей // Экономические стратегии. 2012. Т. 14. №3 (101). – С. 14-23; Федотова В.Г. Социальные инновации как основа процесса модернизации общества // Вопросы философии. – 2010. – № 10. – С. 3-16; Федотова В.Г. Хорошее общество. – М.: Прогресс-Традиция, 2005.

Структурно-функциональный анализ позволил определить, какие социальные нормы, ценности и механизмы поддерживают устойчивость общества, а какие – нарушают равновесие и препятствуют нормальному функционированию социума. Сопоставление схожих социальных явлений в разных контекстах (историческом, идеологическом, идейно-ценностном) выявило общие закономерности и универсальные принципы организации и функционирования различных обществ.

Обращение к диалектическому методу выявило противоречия в социальных процессах и структурах, их взаимовлияние, определило основные аттракторы развития общества. Диалектический метод обнаруживает закономерности в трансформациях общественных структур, которые приводят к кризисам, реформам или революциям, а также к замене старых общественных структур и институтов новыми. В рамках диалектического метода осуществлялось уточнение понятийного аппарата диссертационного исследования («кризис», «реформа», «революция», «режим» и т.д.), что было призвано снизить риск многозначного толкования данных понятий.

Феноменологический подход направлен на изучение процесса восприятия и интерпретации субъектами социальной реальности, которая рассматривается не как «данность», а как результат личного и коллективного осмысления. Феноменологический подход смещает фокус с глобальных структур на микроуровень – на смыслы, которые люди вкладывают в свои действия, и способы, которыми они поддерживают социальный порядок в повседневной жизни (в т.ч. через язык, ритуалы, рутинные практики).

К феноменологическому подходу непосредственно примыкает подход интерпретационный. Зафиксировав какие-либо феномены, исследователь обращается к их интерпретации для анализа смыслов, которые субъекты вкладывают в социальные явления, действия и структуры. Интерпретационный подход раскрывает динамику смыслов в социальной жизни – как субъекты конструируют реальность, осмысливают опыт и транслируют значения, а также как эти процессы влияют на социальные институты, нормы и их изменения.

Критическая интерпретация существующих социально-политических и экономических отношений может рассматриваться как отправная точка в стремлении их трансформировать.

В рамках интерпретационного подхода использовался герменевтический метод. Опора на контекст социальных преобразований – исторический, культурный, социальный, языковой и т.д. – обеспечивает доказательность и верифицируемость выводов, относительно направления, скорости и механизмов социальных преобразований.

В ходе диссертационного исследования использовался аксиологический метод. Специальный анализ ценностей позволяет не только фиксировать какие-либо объективные факты бытия общества и человека, но и выделять их смыслообразующие основания. Ценности задают направление и определяют мотивы действий субъектов.

Методологический инструментарий диссертационного исследования был дополнен методами политических наук, в частности, корреляционным анализом, посредством которого выявлялись взаимосвязи между переменными, в частности состоянием массового сознания и реформированием социальных структур. При анализе функционирования социальных структур и институтов, направления и динамики их развития использовался метод институционального анализа и социально-политического прогнозирования.

Существенная роль в диссертационном исследовании отведена сравнительно-историческому методу, посредством которого сравнивались различные подходы к формированию и развитию социальных структур и установок массового сознания. Сравнительно-исторический метод выявляет общие и специфические черты социальных явлений и процессов через их сопоставление, что помогает осмыслить социальную реальность, проследить эволюцию идей, институтов и практик, выявить закономерности и тенденции развития общества. С точки зрения диссертанта, сравнение моделей социальных преобразований в СССР и Китае дало возможность выявить сходства и различия в ценностях, нормах и традициях реформируемых обществ; апробировать философские теории на

эмпирических данных; понять динамику социальных изменений; выявить универсальные закономерности и уникальные механизмы социальных преобразований.

С помощью метода исторической реконструкции были раскрыты основные этапы становления теории модернизации и реформизма, их познавательная роль в социальной философии и при анализе их присутствия в социальном пространстве.

Использование метода индукции позволило сформулировать на основе отдельных наблюдений общие выводы, а обращение к методу моделирования не только раскрывало объект исследования через создание и изучение его упрощенной модели, но и освобождало познавательное поле от второстепенных для понимания того или иного феномена факторов, концентрируясь на аспектах, имеющих принципиальное значение для понимания социальных преобразований. Также использовался исторический метод – изучение объекта в последовательности его возникновения и развития и логический метод – теоретическое воспроизведение объекта, посредством выявления его внутренней логики и закономерностей структурирования и функционирования.

При анализе феноменов модернизации и реформизма существенно необходимыми оказались методы исследования, используемые в социологическом и историческом познании: принцип социокультурной детерминации явлений, дающий возможность рассматривать феномен в широком культурном контексте; принцип причинной обусловленности явлений и событий общественной жизни и другие.

Сложность изучения модернизации и реформизма требует интегративного подхода к методологической стороне исследования. Комплексное использование методов и принципов исследования, заимствованных из различных социальных наук, сочеталось с их критической интерпретацией.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в следующем:

1. Впервые модернизация определена как куматоидный объект (от греч. kuma – волна). Так определяют объекты, которые в силу своей онтологической

специфики не могут быть четко зафиксированы и имеют подвижную, изменяющуюся структуру. Это отражает связь модернизации с динамикой социальных процессов и подвижным характером современности. Дано расширенное понимание модернизации как комплексного явления, включающего трансформацию массового сознания, ценностей и идеалов общества; уточнена роль реформизма как структурного элемента модернизации с конкретными механизмами реализации, планированием и ресурсным обеспечением.

2. Выявлено, что различные идейно-ценностные модели могут стать основой для объединения процессов модернизации и реформизма; определено, что интерпретация ценностей служит механизмом согласования разных социальных интересов, способствующих достижению общественного согласия посредством отбора ценностей властью. Доказано, что в данном процессе ключевая роль властных структур выражается через выбор значимых идей для общества, внедрение их в массовое и общественное сознание и их инкорпорацию в работу социальных институтов.

3. Определены ключевые факторы эффективности модернизации при ведущей роли власти (обеспечение стабильности социальной ситуации и баланса между изменениями и преемственностью; контроль над социальными процессами и поддержание легитимности власти). Установлен приоритетный порядок реформ для их эффективности (экономические преобразования как первоочередная задача и политические реформы как итоговый этап). Определена необходимость создания властью компенсаторных механизмов для адаптации общества к изменениям. Обоснована важность властного контроля для предотвращения дезинтеграции социальной системы.

4. Выявлена роль элит как инициаторов изменения в массовом сознании, использующих информационные ресурсы для дискредитации устаревших идей и ценностей, продвижения новых установок и формирования социально-преобразующих ценностей. Определена ведущая роль языкового инструментария в трансформации массового сознания посредством упрощения сложных социально-экономических вопросов, трансляции лозунгов и идеологем,

формирования у субъектов иллюзии экспертного понимания проблем. Сформулированы этапы формирования новой модели социального развития, предполагающие дискредитацию старых социальных традиций, формирование новых ценностей, секуляризацию мышления, переход от монизма к плюрализму. Выявлена определяющая роль интерпретационной парадигмы в успешности социальной модернизации, включающая пересмотр традиционных социальных ценностей, внедрение новых идейно-ценностных установок.

5. Установлена взаимосвязь между развитием модернизированной экономики и системой образования. Определена ведущая роль фундаментального и профессионального образования как ключевой модели, формирующей широкую базу знаний, навыки творческого мышления и соответствующие компетенции для современной экономики, с учетом индивидуальных способностей и индивидуальных образовательных траекторий выпускников.

6. Теоретически обоснована определяющая роль массового сознания как ключевого фактора социальных изменений. Проведен системный анализ зависимости социальных структур, институтов и процессов от идейно-ценностных установок, мотивационных факторов, целевых ориентиров, в процессе которого выявлены причинно-следственные связи между состоянием массового сознания, функционированием социальных структур и эффективностью социальных преобразований. Подтверждено, что противоречие между социальными структурами и установками массового сознания дестабилизируют общество. Установлено, что центральным элементом модернизации массового сознания является трансформация системы ценностей, которая формирует основу социальных преобразований, определяет ориентиры деятельности социальных субъектов и является ключевым механизмом социальных изменений.

7. Дан комплексный анализ реформизма как многофакторного явления, включающего предварительную диагностику социальных проблем, целенаправленное изменение институциональных элементов. Выявлены ключевые характеристики реформизма – инициирование властвующей элитой, планомерность, контролируемость и долгосрочность преобразований. Разработаны

критерии разграничения реформизма и революции – управляемость процессов как определяющий фактор, временной фактор как квалификационный признак. Реформы осуществляются по плану с конкретными объектами преобразований и сохранением властью контроля над процессом реформирования. Революция характеризуется потерей управляемости социальными процессами со стороны действующей власти и стремительностью изменений.

8. Обоснована необходимость корреляции между модернизацией массового сознания и реформированием социальных структур. Степень модернизации массового сознания определяет глубину возможных реформ, а готовность общества к изменениям влияет на масштаб преобразований. Предложена методология контроля социальных преобразований, включающая мониторинг состояния массового сознания, оценку готовности общества к изменениям, контроль над процессами трансформации. Сформулирован принцип сохранения управляемости социальными процессами посредством поддержания баланса между изменениями в массовом сознании и социальных институтах, а также контроля над трансформациями массового сознания, что свидетельствует о состоянии готовности общества к реформам.

9. Рассмотрены основные принципы организации саомодернизирующихся социальных систем как факторов их устойчивости: социально-экономические и политические факторы определены как решающие, а технологические – второстепенными. Обоснована необходимость преобладания в обществе инновационного типа личности, наличия индивидуальных свобод, обладание собственностью и эффективной правовой системой с верховенством закона. Обосновано, что комплексное взаимодействие указанных факторов обеспечивает перманентный процесс саомодернизации, устойчивое развитие социальной системы, качественно новый уровень социального развития.

Положения, выносимые на защиту:

1. Модернизация в исследовании определяется как куматоидный объект (от греч. kuma – волна), что позволяет зафиксировать ее ключевую онтологическую характеристику – динамическую изменчивость, обусловленную связью с текущими

социальными процессами современности. Модернизация является комплексным явлением, включающим трансформацию массового сознания, идейно-ценностные установки общества, а также конкретизируется роль реформизма в качестве структурного элемента с проработанными механизмами реализации, планирования и ресурсного обеспечения.

2. Властные структуры, отбирая и внедряя в массовое сознание и социальные институты значимые идейно-ценностные модели, обеспечивают интеграцию модернизации и реформизма посредством механизма интерпретации ценностей, способствующего согласованию интересов и достижению общественного согласия.

3. Ведущая роль власти в модернизации общества предопределяет необходимость обеспечения стабильности и баланса между изменениями и преемственностью; поэтапного проведения реформ с приоритетом экономических преобразований и подчиненной ролью политических реформ; создания компенсаторных механизмов адаптации и поддержания властного контроля как условий предотвращения дезинтеграции социальной системы и достижения эффективности модернизации.

4. Механизм социальной модернизации базируется на целенаправленном воздействии элит на массовое сознание через информационные каналы и языковые стратегии, что приводит к пересмотру традиционных ценностей и формированию плюралистической системы социальных ориентиров. Интерпретационная парадигма выступает здесь системообразующим фактором успешности социальных преобразований.

5. Существует устойчивая причинно-следственная связь между развитием модернизированной экономики и совершенствованием системы фундаментального и профессионального образования, которое обеспечивает формирование необходимых компетенций, развитие творческого мышления и реализацию индивидуальных образовательных траекторий, что, в свою очередь, выступает драйвером экономического роста.

6. Системный анализ подтвердил, что массовое сознание детерминирует динамику социальных процессов: идейно-ценностные установки и целевые ориентиры массового сознания формируют ориентиры деятельности социальных субъектов и обуславливают эффективность преобразований; при этом центральным элементом модернизации массового сознания выступает трансформация системы ценностей, а противоречие между ней и существующими социальными структурами и институтами является источником дестабилизации общества.

7. Управляемость социальных процессов – определяющий критерий разграничения реформизма и революции: реформизм предполагает контролируемые и долгосрочные преобразования, инициируемые и направляемые властвующей элитой по заранее разработанному плану, в то время как революция характеризуется стремительными изменениями и ослаблением контроля действующей власти над развитием событий.

8. Успешность социальных реформ детерминирована корреляцией между модернизацией массового сознания и реформированием социальных структур: глубина преобразований определяется уровнем модернизации массового сознания, а их масштаб – готовностью общества к изменениям. Разработанная методология контроля социальных преобразований, включающая мониторинг массового сознания и поддержание баланса трансформаций в сознании и социальных институтах, обеспечивает управляемость процессов и прогнозируемость результатов преобразований.

9. Устойчивость социальных систем обеспечивается их самомодернизацией, в которой решающую роль играют социально-экономические и политические факторы, а вспомогательную – технологические; необходимым условием эффективности этого процесса выступает сочетание инновационного типа личности, индивидуальных свобод, права собственности и верховенства закона.

Соответствие диссертации паспорту специальности 5.7.7. «Социальная и политическая философия»:

- социальная философия в современном мире – основные проблемы и концепции;
- необходимое и случайное в деятельности людей. Особенности действия механизмов причинения в процессах социокультурного изменения. Доминанты и детерминанты в общественной жизни;
- философские проблемы социального управления. Внешние факторы, определяющие изменение систем социального управления;
- социальные трансформации в современном мире;
- источники и механизмы социокультурного изменения;
- формы социальной динамики. Эволюционные и революционные изменения в истории;
- власть и собственность как факторы исторической эволюции. Особенности государственного управления в XXI веке;
- теоретические модели политического развития, изменений, модернизации, транзита, прогресса и регресса в политике;
- политическая философия власти и государства;
- политическое сознание, политические идеологии и политические коммуникации;
- политические элиты.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что оно расширяет представление о феноменах модернизации и реформизма. Диссертация вносит вклад в социальную философию, углубляя понимание взаимодействия между данными социальными феноменами. Исследование позволяет проследить как социокультурный кризис становится исходной точкой процессов социальных преобразований. Одновременно с этим, рассматривается роль элит в формировании ответа на кризисный вызов. Определено, что «производство сознания» выступает в качестве идейной подготовки к социальным преобразованиям, а язык выступает в качестве средства конструирования новой социальной реальности. Массовое сознание и его модернизация определены в качестве основы социальных преобразований, которые реализуются посредством

либо революции, либо реформ. Принципиальную роль в обеспечении устойчивости социальных систем в процессе социальных преобразований играет корреляция изменений массового сознания и социальных структур. Рассмотрение всех указанных аспектов позволяет максимально целостно изучить теоретические аспекты модернизации и реформизма и их развертывание в социальном пространстве.

Практическая значимость исследования заключается в разработке методологии проведения социальных преобразований с учетом выявленных истоков и предпосылок трансформационных процессов для эффективного внедрения социальных реформ на различных уровнях управления. На основании идей, предложенных автором, могут быть разработаны рекомендации по оптимизации процессов модернизации, повышению эффективности реформистских мероприятий, а главное – о факторах минимизации рисков при проведении социальных преобразований. Основные концептуальные положения диссертации могут найти практическое применение в государственном, региональном, муниципальном управлении, планировании и социальном проектировании, послужить методической базой для подготовки специалистов в области социального управления, социального моделирования и прогнозирования последствий социальных преобразований, а также корректировки стратегий развития социальных систем. Результаты исследования могут быть использованы при разработке программ социального развития, формировании политики модернизации и планирования реформистских мероприятий на всех уровнях управления.

Апробация. Концептуальные положения диссертационной работы и основные выводы нашли отражение в 2 монографиях и 19 статьях, содержащих основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук, которые должны быть опубликованы в изданиях, входящих в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК, а также 18 других опубликованных статьях.

Основные положения диссертационного исследования были представлены в докладах на международных, всероссийских и региональных научных конференциях. В их числе: Всероссийская конференция «Городская культура как социокультурное пространство развития личности» (Самара, 2001 г.); Всероссийская конференция «Российское образование на рубеже веков» (Самара, 2002 г.); Международная научно-практическая конференция «Культура и язык» (Самара, 2003 г.); VI Международная научно-практическая конференция «Социальные процессы и молодежь: взгляд в будущее» (Самара, 2004 г.); XXIII Всероссийская научная конференция «Эволюция революционности и консерватизма в социальных слоях России и других государств» (Санкт-Петербург, 2008 г.); Международная научная конференция «Образование и глобальное развитие: объединяя мир через знания» (Самара, 2009 г.); V Международная научная конференция «Гуманитарные науки и современность» (Москва, 2012 г.); Всероссийская конференция «Традиции и инновации социально-экономического развития» (Самара, 2012 г.); Всероссийская научно-практическая конференция «Модернизационные процессы: мировые тренды и локальная специфика» (Самара, 2013 г.); Международная научно-практическая конференция «Образование. Наука. Культура. Роль в модернизации России» (Москва, 2014 г.); Всероссийская научно-практическая конференция (с международным участием) «Проблемы распада и наследия СССР в современном публичном пространстве» (Москва, 2021 г.); Всероссийская конференция с международным участием «Роль социальной функции философии образования: изменения и перспективы» (Новосибирск, 2025 г.); Всероссийская конференция с международным участием «Интеграция познавательной стратегии русской философии с философией образования» (Новосибирск, 2026 г.).

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, пяти глав (шестнадцати параграфов), заключения, что составляет 370 страниц, из них 33 страницы – список использованной литературы, включающий 392 наименования.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обозначаются теоретические и концептуальные основы исследования феноменов модернизации и реформизма как элементов социальных преобразований, обосновывается актуальность, определяются объект и предмет исследования, научная новизна, положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Методологические аспекты изучения проблем модернизации и реформизма» посвящена анализу исходных дефиниций данных феноменов, основных исследовательских парадигм, сложившихся в науке, а также анализу интерпретационной парадигмы как интегративной основы изучения феноменов модернизации и реформизма.

Первый параграф «Модернизация и реформизм: исходные дефиниции».

В науке отсутствуют единые, общепризнанные подходы к экспликации данных понятий. Это существенно влияет на их использование как гносеологических категорий, так и на их понимание в качестве социальных феноменов. Чаще всего, модернизация и реформизм мыслятся как процессы, инициируемые властью, которая призвана контролировать их социальное развертывание. Модернизация может быть обозначена как куматоидный объект, ибо в своих сущностных характеристиках непосредственно связана с подвижным образом современности. Модернизация является понятием по объему более широким, чем реформизм, одновременно характеризующим и стремление общества к современности, и процессы, протекающие в массовом сознании и связанные с динамикой представлений о целях, ценностях, идеалах, мотивах деятельности субъектов. Без данной динамики общество в своем развитии не сможет отойти от алгоритмов существования традиционного общества.

Реформизм может быть рассмотрен как составная часть модернизации, нацеленная на изменение социальных структур, институтов, механизмов их взаимодействия и т.п. Реформа всегда имеет четко определенные объекты преобразований, планы и сроки реализации реформационных мероприятий, ресурсы, кадровое обеспечение и т.п.

Процессы модернизации и реформизма нуждаются в четкой корреляции. Нарушение данной корреляции может не только резко снизить эффективность намеченных преобразований, но и привести к прекращению существования социальной системы в прежнем качестве.

Второй параграф «Модернизация и реформизм: основные исследовательские парадигмы». Сложившиеся в науке исследовательские парадигмы позволяют рассматривать модернизацию и реформизм, с одной стороны, как познавательные категории, а с другой – как социальную практику. В настоящее время собран значительный эмпирический материал, который свидетельствует о возможности перейти от анализа отдельных проблем, связанных с модернизацией и реформизмом, к их синтезу. Это позволит сделать стратегически значимые научные выводы и повысить эффективность влияния на реальные социальные процессы при реализации модернизационных мероприятий. Для этого необходимо перестроить методологию изучения феноменов модернизации и реформизма. Представляется предпочтительным понимать их как неразрывное единство «модернизация-реформизм». Их четкая корреляция позволит отслеживать и направлять изменения культурных составляющих процесса, в частности, установок массового сознания и синхронизировать данные изменения с реформированием социальных структур, институтов и алгоритмов их взаимодействия.

Третий параграф «Интерпретационная парадигма как интегративная основа изучения феноменов модернизации и реформизма». Процессы социальных преобразований являются для общества максимально стрессовым периодом. Не исключение, разумеется, и мероприятия по модернизации и реформированию. Во время данных мероприятий в большей или меньшей мере меняются базовые установки массового сознания (идеи, идеалы, ценности, цели, мотивы деятельности и т.п.), а также видоизменяются социальные структуры, институты и алгоритмы их взаимодействия.

Различное видение перспектив общественного развития неизбежно приводит к тому, что в социальном пространстве сталкиваются многочисленные, порой

диаметрально противоположные, представления о сути социальных преобразований, темпе их реализации, движущих силах и конечных целях.

Подобное многообразие идейно-ценностных моделей неизбежно приводит к процедурам интерпретации, которые способны выступить в качестве интегративной основы не только изучения феноменов модернизации и реформизма, но и их практической реализации. Интерпретация может выступить в качестве механизма согласования разнонаправленных социальных интересов и способствовать становлению нового социального консенсуса. Необходимо отметить один немаловажный методологический нюанс интерпретации как интегративной основы научного изучения и социального развертывания феноменов модернизации и реформизма. Бесконечное множество компонентов, подлежащих интерпретации, приводит к ценностно-целевому «волюнтаризму» власти. Именно ей, как правило, принадлежит ведущая роль в реализации мероприятий по модернизации и реформизму, осуществляет «селекцию» идей и ценностей, которые претендуют на внедрение в массовое сознание и на инкорпорацию в действующие социальные структуры и институты. Только при этом условии социальные преобразования будут иметь социально положительный эффект и откроют перед обществом новые перспективы развития.

Вторая глава «Истоки и предпосылки социальных преобразований» посвящена анализу феномена социокультурного кризиса, роли элит в процессе общественных преобразований, функциям власти и ее легитимности в этих процессах.

Первый параграф «Социокультурный кризис как вызов социальной системе». В значительной мере кризис может рассматриваться как своеобразный структурный элемент социальных отношений и массового сознания XX-XXI вв. Феномен кризиса может быть адекватно понят только на фоне широкого социокультурного контекста. Этот контекст оказывает влияние на характер кризисных процессов, и сам, в свою очередь, зависит от него. Кризис свидетельствует об исчерпанности возможностей социально-экономических и политических структур и далее функционировать по существующему алгоритму.

можно констатировать существенную истощенность ориентационного потенциала идеологий, которые продолжительное время выполняли функции координатора общественных отношений. Все это не только характеризует наличное состояние социальных систем, но и активизирует процессы реформирования социальных структур и модернизации массового сознания. Кризис всегда провоцирует стремление видоизменить те социальные структуры, которые не соответствуют текущим потребностям, и ориентирует массовое сознание на более перспективные идейно-ценностные установки. Если кризисные тенденции успешно преодолены, это выводит общество на новый уровень социальной стабильности, а личность становится обладателем более конкурентоспособного идейно-ценностного потенциала, способствующего росту эффективности его социальной деятельности.

Кризисное сознание стало своеобразной константой современного массового сознания. Это представление о кризисе присутствует в массовом сознании перманентно, ибо отсутствуют некие безусловные, общепризнанные идейно-ценностные, целевые, мотивационные установки, которые могли бы задавать однозначные алгоритмы восприятия социальной реальности и поведения субъектов в социуме.

Второй параграф «Роль элит в формировании ответа на кризисный вызов». Устоявшиеся в науке подходы к пониманию элит как относительно целостного образования, пожалуй, уже не соответствуют объективной реальности. Подобный подход, и, что существеннее, соответствующая социальная практика основывались на глубинном консенсусе интересов, в первую очередь, экономического характера. Эта согласованность интересов проистекала из жесткой взаимозависимости ведущих субъектов, определявших национальную, а то и всемирную, экономическую «повестку». Экономические лидеры XX века (нефте- и газодобыча, машиностроение, сталелитейная промышленность и т.д.) составляли некий симбиоз, в котором каждый элемент был жизненно необходим для целостности и функциональности всего «организма». Закономерно, что данные экономические лидеры были и наиболее влиятельными субъектами в политическом плане, оказывали наибольшее влияние на деятельность

государственных структур. И, соответственно, они же, посредством различных каналов (в первую очередь, средств массовой информации, системы образования, искусства, шоу-бизнеса и т.д.) оказывали наибольшее влияние на идейно-ценностные, целевые и мотивационные установки общества.

Ситуация стала радикально меняться по мере развертывания «цифровой революции», когда на позиции экономических лидеров стали выходить новые отрасли экономики, никак не зависящие (или минимально зависящие) от «старой» экономической элиты. За последние четверть века творцы цифровой революции, фактически, переписали экономические «правила игры» в мировом масштабе, оттеснив, а то и маргинализовав, бывших лидеров. Отсутствие общих, взаимообусловленных интересов, которые неразрывно связывали бы «новую» и «старую» элиты, породило «эффект домино». Как результат – жесткое противостояние различных целевых, идейных, ценностях, мотивационных моделей, рассогласованность позиций практически по всем мыслимым вопросам – иммиграционным, расовым, гендерным и т.д. и т.п. Согласие, если и имеет место быть, то только как временная, ситуативная мера, продиктованная изменчивой конъюнктурой.

Конечно, рано или поздно консенсус так или иначе будет достигнут. Вопрос только во временном периоде, сутевом содержании и алгоритме становления нового консенсуса. Пока неопределенное время мы будем свидетелями жесткой конкурентной борьбы различных групп элит (национальных и мировых) относительно идейных, целевых, ценностных составляющих будущего консенсуса, противоборства ресурсов (экономических, финансовых, политических, репутационных); борьбы за их обладание и право распоряжаться ими, поиска наиболее эффективных каналов влияния на массовое сознание, формирование социальной базы, на которую будет опираться та или иная элита, и т.п.

Все вышеперечисленное позволяет сделать вывод: в настоящее время элиты наиболее крупных мировых игроков находятся, пользуясь синергетической терминологией, в точке бифуркации. Перед ними неограниченное множество вариантов будущего. Какой-либо аттрактор, который имел бы потенциал стать

доминирующим, пока не просматривается. Это значит, что в обозримом будущем нестабильность, как минимум, социально-политической системы может быть названа ключевой характеристикой общественных процессов во многих странах мира, а элитологии необходимо искать новые методологические подходы и концептуальные основания, которые смогли бы более адекватно анализировать современные процессы, связанные с формированием и функционированием элит на национальном и наднациональном уровнях.

Третий параграф «Власть и ее легитимность как условие запуска социальных преобразований». Эффективность реализации модернизационных мероприятий обеспечивается четырьмя взаимосвязанными факторами, в каждом из которых власти принадлежит определяющая роль. Во-первых, сохранение стабильной, управляемой социальной ситуации. Модернизация, являясь ответом на объективные потребности социальной системы, как правило, инициируется властью. Власти нуждается в сохранении права и возможности определять стратегические цели социальных преобразований и располагать достаточными ресурсами для их достижения. Во-вторых, для сохранения преемственности в развитии социальной системы, власть нуждается в соблюдении баланса между изменениями социальных институтов, механизмов их функционирования, идеологических постулатов, с одной стороны, и преемственностью в принципиально важных для общества вопросах, с другой стороны. В-третьих, власть нуждается в сохранении контроля над направлением и динамикой социальных процессов. Самоустранение власти от данного вида контроля угрожает дезинтеграцией всей социальной системе и как вариант – прекращение существования социальной системы в ее прежнем качестве. В-четвертых, власть нуждается в максимальном обеспечении собственной легитимности, ибо неизбежная в условиях социальных преобразований критика исторического опыта, экономического и социально-политического уклада, идеологических постулатов и т.п. может нанести сокрушительный удар по легитимности власти.

Приступая к социальным преобразованиям, необходимо определиться с генеральной стратегией: либо приоритетным направлением преобразований

является экономическая сфера, либо политическая. Если общество вступило в стадию социальных преобразований, то ради их результативности существует потребность четко соблюдать принцип: политическая реформа рассматривается в качестве итога всех прочих реформ. Инициирование в качестве первостепенных именно политических реформ существенно ослабляет власть, лишает ее механизмов влияния на социальные и экономические процессы.

Оценивая роль власти как инициатора и координатора модернизационных мероприятий, можно сформулировать принцип: по мере того, как все большее количество социальных институтов будет втягиваться в практику преобразований и социальными изменениями будут затрагиваться все большее количество социальных групп, власти потребуется пропорционально увеличивать свою социальную активность. Также необходимо позаботиться о создании компенсаторных механизмов, способствующих адаптации индивидов к новой социально-экономической, политической и идеологической реальности.

Третья глава «Идейные и когнитивные инструменты социальных преобразований» посвящена вопросам «производства сознания», роли языка в конструировании новой социальной реальности, влиянию науки и рациональности на формирование модернизационного проекта и идеологии как механизма трансляции новых социальных ценностей.

Первый параграф «Производство сознания»: идейная подготовка к социальным преобразованиям. «Производство сознания» может быть признано необходимым инструментом воспроизводства социальных институтов и практик, необходимых для поддержания стабильности социальной системы в целом. Основные идейно-ценностные, целевые и мотивационные установки, которые предполагаются к внедрению в массовое сознание, определяются элитами, которые задают основной вектор развития общества. Объективно назревшие социальные преобразования предполагают изменения установок массового сознания. Подобные изменения, как правило, осуществляются средствами массовой информации, которые одновременно дискредитируют одни идейно-ценностные, целевые и мотивационные установки массового сознания и активно

пропагандируют другие, более соответствующие нуждам текущего момента. Одной из эффективных практик, позволяющих формировать массовое сознание и сохранять управляемость социальными процессами, является «двойное послание» (double bind), которое предоставляет властвующей стороне существенный манипулятивный ресурс, но может нести в себе существенные социальные риски, связанные с утратой управляемости социальными процессами.

Второй параграф «Язык как средство конструирования новой социальной реальности». Общество и язык образуют единый феномен «социальной семантики». Любые процессы (спонтанные или управляемые), протекающие в одном элементе данного двуединства, автоматически отражаются на другом элементе и приводят к его большим или меньшим видоизменениям.

Модернизация общества является объективной потребностью, вызванной несоответствием имеющихся социальных институтов и структур потребностям развития социальной системы. Для старта социальных преобразований и их успешной реализации необходимы изменения в установках массового сознания – идеях, ценностях, целях и мотивах деятельности и т.д., которые обеспечивают как ориентацию субъекта в социальном пространстве, его деятельность, а также способствуют глобальной консолидации общества.

Инициатором изменений идейно-ценностных установок массового сознания являются, как правило, экономические, политические или интеллектуальные элиты, которые, располагая достаточными ресурсами (в первую очередь, информационными), дискредитируют или, как минимум, нейтрализуют одни идеи и ценности (которые признаны препятствующими социальным преобразованиям) и активно транслируют другие (которые рассматриваются как способствующие социальным преобразованиям). Например, в ходе перестройки были дискредитированы базовые принципы советской социально-экономической и политической системы (однопартийность, «демократический централизм», власть советов, коллективизм, государственная собственность и т.д.) и активно внедрялись в массовое сознание установки, принципиально несовместимые с

советским строем (многопартийность, плюрализм, частная собственность, индивидуальное предпринимательство и т.д.).

Данные установки транслировались через средства массовой информации и главным инструментом влияния на массовое сознание являлся язык. Сложные вопросы социально-экономического и политического характера редуцировались до лозунгов, мифологем и идеологем, усвоение которых было призвано создавать ощущение глубокой погруженности в проблемы и способности каждого субъекта на экспертном уровне анализировать социальные проблемы и предлагать пути их решения.

К началу 90-х годов все основополагающие установки советской идеологии были нейтрализованы или дискредитированы, а либерально-рыночная модель социального развития представлялась предпочтительной наиболее активным группам населения (при одновременном отсутствии каких-либо социально значимых движений в защиту советской идеологии и СССР в целом). Разрушение марксистско-ленинской идеологии, с которой неразрывно были связаны абсолютно все сферы жизни советского общества, привело, в конечном итоге, к параличу социальных институтов.

Таким образом, становление постсоветской России явилось приведением социально-экономических и политических структур страны в соответствие с доминировавшими в тот исторический период установками массового сознания.

Третий параграф «Влияние науки и рациональности на формирование модернизационного проекта». Радикальный рывок, который в Новое время сделали в своем развитии естественные и социально-гуманитарные науки, принципиально изменил весь социально-экономический и политический уклад Западной Европы. В силу этого, вполне оправданной представляется характеристика, которая дана в исследовательской литературе данному периоду как «первая великая трансформация». Переход от традиционного общества к обществу Модерна, связанный со становлением капитализма в странах Западной Европы, в значительной мере стал возможен благодаря тому, что наука, техника,

технологии стали реальными факторами, существенно влияющими и на повседневную жизнь общества, и на стратегические направления его развития.

Помимо научной составляющей, становление общества Модерна было бы немисливо без Реформации, которая не только разрушила католическое мировоззрение, но и позволила каждому человеку иметь собственное представление о целях собственной жизни и социального развития в целом, которое не было связано никакой традицией или доктриной.

В силу этого, совершенно неизбежно на определенном этапе своего развития научный арсенал стал все более активно использоваться при решении социальных задач. Примеры Англии после «Славной революции» и США после провозглашения независимости свидетельствуют, что модели социального развития этих стран, прежде, чем получить практическое воплощение, были теоретически сконструированы с опорой на достижения тогдашней науки.

Формирование новой модели социального развития проходит в своем становлении ряд этапов: дискредитация бывших социальных традиций и формирование новых, секуляризация мышления и, как следствие, переход от монизма к плюрализму как обязательному элементу массового сознания и, как итог, становление новой интерпретационной парадигмы, сквозь призму которой воспринимается окружающий мир. Успешность социальной модернизации во многом зависит от того, будет ли принята обществом новая интерпретационная парадигма, пересматривающая традиционные социальные ценности и внедряющая в массовое сознание новые идейно-ценностные установки, более соответствующие требованиям времени и новому качеству социальной системы.

Четвертый параграф «Идеология в образовании как механизм трансляции новых социальных ценностей». Перспективы российской модернизированной экономики, ориентированной на производство конечного продукта, а не на сырьевую составляющую, достаточно четко увязаны с состоянием и стратегическим вектором развития отечественного образования. Экономические «драйверы» мировой экономики, непосредственно связанные с современными высокими технологиями, недвусмысленно указывают, что сфера креативной

экономики – это с наибольшей вероятностью не только наиболее перспективное направление развития экономики, но и способ избежать тупикового пути «догоняющей модернизации». Фундаментальное образование, ориентированное на формирование у обучающихся широчайшей палитры знаний, навыков творческого мышления, являясь доминирующей моделью образования (но не исключая и другие модели), пожалуй, в наибольшей степени актуально и для потребностей современной социально-экономической сферы, и в плане удовлетворения индивидуальных потребностей личности.

Все перечисленные выше факторы, призванные способствовать становлению экономики современного типа, не будут эффективно функционировать, если все – система образования, организация производства не будут пронизаны единой идеологией, под которой мы здесь подразумеваем не систему нормативных предписаний, которые обязательны к исполнению под страхом применения каких-либо санкций со стороны государства. В данном случае, под идеологией мы понимаем принятый обществом в качестве руководящего вектора развития комплекс взаимоувязанных и не противоречащих друг другу приоритетов индивидуальной и коллективной деятельности, идей, целей, ценностей и мотивов деятельности. Идеи модернизационного пути развития России, активно обсуждавшиеся и нашедшие определенное воплощение на рубеже 2000-2010-х годов, по нашему мнению, вполне обоснованно могут претендовать на статус новой идеологии, способной обеспечить целеполагание и для отдельного субъекта, и для общества в целом. Трансляция данной идеологии посредством системы образования, помноженная на приоритетное развитие креативной экономики и целенаправленное культивирование индивидуальных способностей субъекта, потенциально может способствовать разворачиванию модернизационных процессов, минуя модель догоняющей модернизации, что, в свою очередь, позволит вывести социальную систему на новый уровень стабильности и открыть новые глобальные перспективы развития.

Четвертая глава «Стратегии реализации социальных преобразований» посвящена рассмотрению вопроса модернизации массового сознания арены

борьбы за социальные преобразования, а также революционному и реформационному режимам общественных преобразований.

Первый параграф «Массовое сознание и его модернизация как ключевая арена борьбы за социальные преобразования». Модернизация массового сознания может быть определена как один из ключевых факторов социальных преобразований. Чтобы процесс реорганизации общества приобрел сознательный и целенаправленный характер необходимы определенные изменения. На фоне кризиса традиционного общества должно произойти выделение индивида из любых социальных объединений, которые доминировали бы над индивидом (община, сословие, ремесленный цех, купеческая гильдия и т.п.). Субъекту необходимо осознать себя в качестве самостоятельной социальной единицей, цели деятельности которой определяются только им самим. В равной мере это же касается видения целей и смыслов общественного развития. Важнейшим культурным фактором, способствовавшим превращению индивидуализации в социально значимый феномен, явилась секуляризация.

Процесс секуляризации сознания неизменно сопровождается рационализацией. С течением времени рациональность стала не только квалификационным признаком науки, но и позволила конструировать социальную реальность, исходя из согласованных интересов различных социальных групп (примером здесь могут служить Англия и США, социально-политический строй которых в XVII-XVIII вв. явился не столько результатом длительного исторического развития, сколько следствием, фактически, социальной инженерии).

Рационализм и секуляризация принесли с собою плюрализм мнений, с одной стороны, как своеобразную методологическую установку новоевропейской мысли, а с другой, как мотив достичь консенсуса по основополагающим идейно-ценностным установкам, на которые будет опираться общество в процессе своего развития.

Говоря о модернизации массового сознания как необходимом условии социальных преобразований можно утверждать, что социальные структуры, институты и процессы в значительной (если не сказать – решающей) мере зависят

от состояния массового сознания, его идейно-ценностных, мотивационных и целевых установок. Ни одно общество не может функционировать продолжительное время, если существующие социальные структуры и алгоритмы их функционирования находятся в противоречии с установками массового сознания. Более того, сами социальные преобразования, как правило, начинаются именно с изменений в сфере массового сознания. Именно определенный образ желаемого будущего, укоренившийся в массовом сознании в качестве ориентира общественного развития, наиболее социально активные силы общества будут стремиться реализовать на практике, приведя социальные институты и структуры в соответствие со своим представлением о должном общественном устройстве. Практика социальных преобразований, в первую очередь, влияет на систему ценностей, принятую в обществе и на которую субъекты ориентируются в своей деятельности. Более того, пожалуй, можно утверждать, что изменения в ценностной системе являются центральным пунктом модернизации массового сознания.

Последние два десятилетия Китай демонстрирует, пожалуй, самый социально и экономически эффективный на всем посткоммунистическом пространстве опыт интеграции в социально-экономические структуры, построенные на принципах плановой экономики и коммунистической идеологии, принципиально иных структур, базирующихся на идеях и ценностях рынка, частного предпринимательства и т.п. Эта интеграция была бы невозможна, если бы массовое сознание не усвоило новые идеи и ценности либерально-рыночного характера, не интегрировало бы их в существовавшую мировоззренческую систему, не сделало их «своими» и не стало бы на них ориентироваться в процессе своей практической деятельности.

Второй параграф «Стратегия реформизма – эволюционный путь». Реформизм – явление многофакторное. Во-первых, началу любых реформ предшествует анализ проблем, с которыми сталкивается социальная система и осознание необходимости реализовать комплекс мероприятий, призванных видоизменить социальную систему, чтобы ее структура и алгоритмы

функционирования соответствовали актуальным потребностям текущего этапа развития общества. Во-вторых, реформизм всегда нацелен на изменения институционализированных элементов социальной системы. Подобные изменения могут иметь как локальный, так и глобальный характер. В-третьих, необходимо различать реформизм как мероприятия, нацеленные на преобразования социальной системы, и реформизм как философию перманентных, поэтапных изменений, которые позволяют социальной системе соответствовать требованиям «современности». В-четвертых, реформизм всегда иницируется властвующей элитой и осуществляется в соответствии с определенным планом, темпом, выделенными объектами, которые подлежат реформированию и т.д. Сохранение действующей властью контроля над процессом реформирования может быть признано важнейшим показателем реформизма. Пример постсоветской России показывает, что даже если реформы протекают в авральном темпе и государство перестает контролировать многие социальные процессы, все-таки на макроуровне власть может сохранить контроль над социальной ситуацией в целом и не допустить разрушения целостности социальной системы. В-пятых, реформирование социальной системы – это, как правило, процесс растянутый во времени (например, в Китае реформы продолжаются уже почти полвека).

Третий параграф «Стратегия революции – радикальный разрыв с социальными традициями». По-нашему мнению, имеется лишь два фундаментальных критерия, которые позволяют дать непротиворечивые определения понятия революции. Первый критерий – управляемость. Революция неизбежно сопровождается потерей, или, как минимум, ослаблением управляемости социальными процессами со стороны действующей власти, у которой недостаточно рычагов влияния на ситуацию или они оказываются неэффективными для того, чтобы справиться с нарастающими энтропийными процессами в обществе. В подобных условиях, разумеется, ни о каком плане социальных преобразований, детализации необходимых мероприятий, определении их последовательности, сроков реализации, перечне необходимых ресурсов, исполнителях и т.п. речь не может идти. Очевидно, что утрата властью –

которая является конституирующим элементом всей социальной системы – контроля над социальной ситуацией с неизбежностью влечет радикальный разрыв с социальными традициями. Например, хаотичная деятельность царского правительства в предреволюционный период, безрезультатная деятельность М.С. Горбачева и союзного правительства в 1990-1991 гг., направленные на возвращение контроля над социально-экономической и политической ситуацией, наглядно подтверждают данный тезис. Второй критерий – время. Революционные события протекают стремительно, в предельно сжатые временные рамки. Т. Скочпол, американский исследователь феномена социальных революций, также указывает на определяющее значение временного критерия для революционного сценария развития событий: «Социальные революции – это быстрые, фундаментальные трансформации государственных и классовых структур общества...».¹⁷

В 1917 г. Россия в течение полугода «успела» пожить в условиях монархии, при либерально-буржуазном Временном правительстве и большевиках, установивших «диктатуру пролетариата». Пожалуй, бóльшего разнообразия политических режимов, правовых систем и социально-экономических укладов за столь краткий исторический промежуток не переживала ни одна страна в мире. Еще более стремительно развивались события в СССР в 1991 г. От находящейся в глубоком кризисе, но продолжающей исполнять свои базовые функции социальной системы накануне августовского путча, к тотальному социально-экономическому и политическому хаосу осени 1991 г. и окончательному распаду прежней социальной системы в декабре 1991 г. По сходному сценарию разворачивались и многие другие революции: французские, китайская, кубинская и т.д.

Представляется обоснованным признать два вышеотмеченных критерия основополагающими, квалификационными признаками революции. Социальные преобразования, которые в советской и российской науке традиционно

¹⁷ Скочпол Т. Государства и социальные революции: сравнительный анализ Франции, России и Китая. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. – С. 25.

обозначались как революционные, более обоснованно обозначать именно как революционный режим социальных преобразований.

Пятая глава «Факторы, обеспечивающие устойчивость социальных систем в процессе социальных преобразований» посвящена проблемам корреляции изменений массового сознания и социальных структур, анализу принципов организации саомодернизирующихся социальных систем и отдельным аспектам становления идейно-ценностной системы на примере постсоветской России.

Первый параграф «Гармонизация процессов социальных преобразований: проблема корреляции изменений массового сознания и социальных структур». Процессам модернизации массового сознания и реформирования социальных структур принципиально важно быть взаимосвязанными и взаимообусловленными. В процессе осуществления социальных преобразований власти необходимо четко отслеживать ряд факторов во избежание нарушения скоррелированности данных процессов: насколько модернизировано массовое сознание, настолько могут быть проведены реформы социальных структур и институтов и, соответственно, реформирование социальных структур возможно лишь настолько, насколько к этим преобразованиям готово массовое сознание, насколько оно готово принять новую социальную реальность. Например, китайское руководство не позволило в конце 80-х гг. нарушить корреляцию данных процессов, благодаря чему была сохранена управляемость социальными процессами, а это было достигнуто путем жесткого контроля над процессами изменений в массовом сознании. Многие социально-экономические требования, которые выдвигались в 1989 г., могли бы разрушить жизненно важные социальные структуры и функциональные связи между элементами социальной системы. Социальная система не располагала потенциалом для быстрой адаптации к подобным изменениям, интегрирования новых элементов или создания компенсаторных механизмов, ибо социальная система обладает существенным инерционным потенциалом. В настоящее время многие требования 1989 г. стали повседневностью китайского общества, что было достигнуто путем

постепенного внедрения инноваций в социальную практику, минуя глубокие социальные противоречия и конфликты. Несмотря на то, что в Китае была объявлена политика модернизации, она сопровождалась глубокими структурными реформами, а в СССР курс на реформы вылился в форсированную модернизацию массового сознания, дискредитацию советского идейно-ценностного наследия и внедрение новой идеологии либерализма, которая находилась в состоянии неразрешимого противоречия с советской социально-экономической системой. Реальные же структурные реформы, фактически, не проводились. Отсутствие корреляции между данными процессами и самоустранение власти, в конечном итоге, привели сначала к параличу советских социально-экономических и политических институтов и структур, а на фоне отсутствия попыток создания новых структур, более соответствующих новым потребностям общества, – к распаду СССР.

Второй параграф «Принципы организации самомодернизирующихся социальных систем». Выявляя истоки доминирования Запада в модернизационных процессах, мы вынуждены констатировать, что их глубинные основы в наименьшей степени связаны с факторами технологического плана, а в решающей степени – с факторами социально-экономического и политического характера. Ключом к перманентной самомодернизации является наличие личности, ориентированной на инновации, чья деятельность воспринимается социальной системой и, в частности, властью как самоценная. В качестве необходимых ресурсов, обеспечивающих становление подобного типа личности, необходимо отметить наличие индивидуальной свободы, подкрепленной собственностью, и правовой системы, в которой верховенство закона признается всеми субъектами социальной коммуникации – индивидом, обществом и государством. Комплекс вышеуказанных факторов, каждый из которых обладает самостоятельной значимостью, интегрируясь, порождают многократно больший социально значимый эффект, чем при условии своего единичного, «изолированного» влияния на общество. Подобный «эффект синергии» обеспечивает перманентный процесс самомодернизации социальной системы в целом.

Третий параграф «Становление новой идейно-ценностной системы в процессе социальных преобразований (на примере постсоветской России)» В настоящее время становление самостоятельной российской идейно-ценностной системы представляется незавершенным. Ее элементы образуют противоречивый симбиоз классических советских и постсоветских установок, оказывающих неоднозначное влияние на деятельность субъектов и, соответственно, развитие страны.

Для развития рыночной экономики (а данный параметр является наиболее наглядным и легко верифицируемым статистическими данными) частная инициатива и частное предпринимательство являются факторами критически важными, однако организационно-правовые сложности, с которыми сталкивается отечественный бизнес, не позволяют рассматривать предпринимательскую деятельность в качестве приоритетной для профессиональной деятельности. Данная ситуация чревата экономической стагнацией, особенно если молодежь, как наиболее экономически активная часть населения, принципиально дистанцируется от реализации себя в сфере предпринимательства, предпочтя положение наемного сотрудника, занятого в государственном секторе, или работника на условиях фриланса.

В этом – одна из причин невысоких темпов экономического роста России. Население, в первую очередь молодежь, находится в состоянии определенной дезориентации от того, что в социальном пространстве одновременно присутствуют не согласующиеся друг с другом социально-экономические и политические драйверы. Идейно-ценностная система призвана генерировать установки однонаправленные основным векторам развития социально-экономических и политических институтов и коррелирующие с основными смыслами, заложенными в целеполагании и основных принципах функционирования данных институтов. В этом заключается один из главных способов повышения эффективности их социального функционирования.

Мероприятия по модернизации и реформизму, которые неоднократно декларировались в России в последние десятилетия, столкнулись с традиционной

дилеммой: установки массового сознания, в первую очередь, молодежи, представляют собою конгломерат в недостаточной мере согласованных советских и постсоветских элементов. Это, в свою очередь, снижает эффективность функционирования социально-экономических институтов, чье целеполагание не образует с ключевыми установками массового сознания однонаправленного вектора.

В **Заключении** формулируются основные результаты проведенного исследования для достижения поставленной цели – комплексного анализа феноменов модернизации и реформизма как элементов социальных преобразований в XX-XXI вв. Среди результатов указываются достижения теории модернизации и реформизма как познавательных конструкций, их недостатки, а также различные варианты их социального развертывания.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ОТРАЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ:

Монографии:

1. Глазунов Н. Г. Социальное моделирование: проблемы теории и практики. Самара: НОУ ВПО СИ ВШПП, 2011. – 142 с. (8,8 п.л.)
2. Глазунов Н. Г. Модернизация и реформизм как социальные феномены: монография. – Ярославль, Канцлер, 2026. – 188 с. (11,75 п.л.)

Статьи в научных журналах, рекомендованных ВАК РФ:

1. Глазунов Н. Г. Лингвокультурный аспект социальных преобразований // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 1 (39). С. 54-59. (0,5 п.л.)
2. Глазунов Н. Г. Моделирование социальных процессов: проблемы теории и практики // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2011. № 1 (15). С. 297-301. (0,5 п.л.)
3. Глазунов Н. Г. Революция как режим трансформации социальной системы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и

искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 6 (12). Часть 3. С. 51-56. (0,6 п.л.)

4. Глазунов Н. Г. О принципах организации самомодернизирующихся социальных систем // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 5 (30). С. 420-423. (0,6 п.л.)

5. Глазунов Н. Г. Особенности становления интеллектуальной элиты в дореволюционной России // Вестник ВЭГУ. 2011. № 6 (56). С. 24-29. (0,5 п.л.)

6. Глазунов Н. Г. Социокультурный кризис как исходный пункт социальной модернизации // European Social Science Journal. 2012. № 4 (20). С. 318-325. (0,6 п.л.)

7. Глазунов Н. Г. Проблема легитимности власти в условиях социальных преобразований // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 6 (20). Часть 1. С. 69-73. (0,6 п.л.)

8. Глазунов Н. Г. Влияние интерпретационных парадигм на процесс модернизации общества // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 4 (35). С. 122-127. (0,8 п.л.)

9. Глазунов Н. Г. Функции власти в условиях социальной модернизации // Вестник СМГУ. 2012. № 3 (22). С. 159-166. (0,4 п.л.)

10. Глазунов Н. Г. Ментальные предпосылки становления обществ современного типа // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Философские науки». 2015. № 2 (14). С. 22-29. (0,5 п.л.)

11. Глазунов Н. Г. Социальные преобразования в России и специфика процесса модернизации массового сознания // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 2 (64). С. 62-66. (0,6 п.л.)

12. Глазунов Н. Г. Взаимодействие государства и общества в эпоху Модернити // Вестник МГПУ. Серия: философские науки. 2021. № 2 (38). С. 17-24. (0,5 п.л.)

13. Глазунов Н. Г. Власть и социальная модернизация: сравнительный анализ советского и китайского опыта // Вестник МГПУ. Серия: философские науки. 2021. № 3 (39). С. 18-27. (0,5 п.л.)

14. Глазунов Н. Г. Теоретическое оформление понятия «массовое сознание» в контексте социальных преобразований // Философия образования. 2025. Т. 25, № 1. С. 20-36 (1 п.л.)
15. Глазунов Н. Г. Фундаментальное образование: индивидуальное и социальное измерения // Философия образования. 2025. Т. 25, № 2. С. 68-79. (0,8 п.л.)
16. Глазунов Н. Г. «Производство сознания» как необходимое условие социальных изменений: возможности, риски, механизмы // Вестник Омского университета. 2025. № 2 (30). С. 69-80. (1 п.л.)
17. Глазунов Н. Г. Реформа как познавательная категория и социальная практика // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2025. № 3 (84). С. 120-128. (1 п.л.)
18. Глазунов Н. Г. Динамика элит и их роль в эпоху социальных преобразований // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 10 (504). С. 37-43. (0,7 п.л.)
19. Глазунов Н. Г. Проблема корреляции процессов модернизации массового сознания и реформирования социальных структур // Вестник Омского университета. 2026. № 1 (31). С. 127-137. (1 п.л.)

Публикации в других изданиях:

1. Глазунов Н. Г. Городская культура России и процесс маргинализации // Городская культура как социокультурное пространство развития личности. Материалы и тезисы докладов III-й Всероссийской научно-практической конференции. 19-20 апреля 2001 г. В двух частях. Часть I. Самара: изд-во МГПУ, 2001. С.35-37. (0,1 п.л.)
2. Глазунов Н. Г. Идеология в образовании // Российское образование на рубеже веков. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Самара, 25-26 апреля 2002 г. М.: Изд-во МГПУ, 2002. С. 59-61. (0,3 п.л.)
3. Глазунов Н. Г. Модернизация и реформизм: в поисках оснований // Вестник МГПУ. Журнал Московского городского педагогического университета. 2003. № 2 (5). С. 23-30. (0,5 п.л.)

4. Глазунов Н. Г. «Лозунговая» культура – индикатор социальных трансформаций // Культура и язык. Материалы международной научно-практической конференции. 11-12 марта 2003 г. Самара: изд-во МГПУ, 2003. С. 17-25. (0,5 п.л.)
5. Глазунов Н. Г. Реформизм как социальная модель: структурные компоненты // Телескоп: Научный альманах. Вып. 7. Самара: Изд-во «НТЦ», 2004. С. 218-236. (1 п.л.)
6. Глазунов Н. Г. Социально-политическая модернизация в России и специфика процесса секуляризации // Социальные процессы и молодежь: взгляд в будущее: Материалы VI Международной научно-практической конференции 27-28 апреля 2004 г. Самара: СФ МГПУ, 2004. С. 63-67. (0,5 п.л.)
7. Глазунов Н. Г. Социальная модернизация: либеральная модель // Patriotica: История. Философия. Социология: Сборник статей. Самара: СФ МГПУ, 2005. С. 87-95. (0,5 п.л.)
8. Глазунов Н. Г. Революционная модель реформирования общества: опыт ретроспективного анализа // Актуальные проблемы философии и филологии: Сборник научных статей. Самара: СФ МГПУ, 2006. С. 14-22. (0,5 п.л.)
9. Глазунов Н. Г. Социальная доктрина консерватизма // Телескоп: Научный альманах. Вып. 14-15. Самара: Изд-во «НТЦ», 2006. С. 327-336. (0,7 п.л.)
10. Глазунов Н. Г. Эволюция социальной роли интеллигенции в России: историко-философский аспект // Научный альманах. Актуальные проблемы гуманитарных наук. Сборник научных статей. Вып.3. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2007. С. 19-37. (0,5 п.л.)
11. Глазунов Н. Г. Ментальные основания революционных процессов в России и Европе: опыт сравнительного анализа // Эволюция революционности и консерватизма в социальных слоях России и других государств: Материалы XXIII Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 13-14 мая 2008г. СПб.: Изд-во «Нестор», 2008. С. 60-64. (0,3 п.л.)

12. Глазунов Н. Г. Социальные факторы трансформационных процессов // Научные изыскания: сборник научных статей. Вып. III. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2008. С. 187-192. (0,5 п.л.)
13. Глазунов Н. Г. Влияние религиозных факторов на процесс общественных изменений в Западной Европе // Научные изыскания: Сборник научных статей. Вып. V. Традиции и новации. Самара: ООО «Изд-во Ас Гард», 2010. С. 183-190. (0,5 п.л.)
14. Глазунов Н. Г. «Производство сознания» и трансформация социальных систем // Научные изыскания: сборник научных статей. Вып. VI. Самара: ООО «Изд-во Ас Гард», 2011. С. 215-220. (0,4 п.л.)
15. Глазунов Н. Г. Специфика модернизации обществ авторитарного типа // Молодой учёный. Ежемесячный научный журнал. 2012. № 8 (43). С. 156-159. (0,5 п.л.)
16. Глазунов Н. Г. Культурный аспект процесса социальной модернизации // Традиции и инновации социально-экономического развития: материалы Всероссийской научной конференции (25 мая 2012 года). Самара: ООО «Издательство Ас Гард», 2012. С. 79-86. (0,5 п.л.)
17. Глазунов Н. Г. Влияние науки на социальные преобразования в эпоху Нового времени // Образование. Наука. Культура. Роль в модернизации России. Материалы международной научно-практической конференции. / под. ред. Н. Г. Яковлевой. М.: Культурная революция, 2014. С. 388-395. (0,4 п.л.)
18. Глазунов Н. Г. Становление идейно-ценностной системы постсоветской России // Проблемы распада и наследия СССР в современном публичном пространстве. Сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Москва, 2021. С. 208-215. (0,5 п.л.)